

Сяо Гуансу, потягивая кислую сливу, услышав эти слова, усмехнулся и подшутил:

— Господин, вы что, присмотрели себе какую-нибудь девушку? Поторопитесь, подарите ей нефритовую шпильку да парчовый наряд, чтобы чувства скрепить, а то как бы кто другой не опередил.

Тысячник рассмеялся:

— Ваше высочество, шутите вы! Я просто так сказал. Но, знаете, дарить такие вещи в качестве залога любви — это обычай Ингао. У нас в Ляньяне дарят не это.

Сяо Цинму, вращавший в пальцах чайную чашку, замер и тоже стал внимательно прислушиваться.

Сяо Гуансу тоже заинтересовался:

— А чем же отличается? Я-то думал, везде одинаково, разве девушкам такое не нравится?

Тысячник широко улыбнулся:

— В разных краях свои обычаи. Чтобы рассказать об этом, нужно вспомнить одну нашу ляньяньскую легенду. Не знаю, пожелают ли высокие господа послушать болтовню такого грубияна, как я?

Сяо Гуансу ахнул:

— Не томи, говори скорее!

Тысячник отставил бокал и начал:

— Ничего особенного, прошу только не скучать, послушайте ради забавы. Говорят, давным-давно, когда были одни лишь племена, существовало два великих племени — восточное и западное. Годами они сражались не на жизнь, а на смерть, дошло до того, что случайная встреча на дороге могла закончиться поединком на клинках.

— Далее сюжет такой: принцесса одного племени и принц другого по воле случая, скрыв свои истинные лица, полюбили друг друга. Но их племена по-прежнему враждовали, вожди никогда бы не одобрили этот союз, а простой народ — и подавно. Узнав правду, оба были в великой скорби.

Тысячник сделал выразительный жест и продолжил:

— Война продолжалась, и выжить должно было лишь одно племя. Принцессе и принцу предстояло участвовать в последней битве, и им пришлось разойтись по разные стороны.

Сяо Гуансу перебил его:

— Они уже разошлись, а залог любви всё ещё не появился?

Тысячник почтительно сложил руки:

— Ваше высочество, не торопитесь, сейчас как раз о нём.

Тысячник продолжил:

— Перед тем как выйти на поле боя, принц выковал новый меч и, преодолев препятствия, передал его принцессе, сказав ей: «Даже если мы встретимся в сражении, я дарю тебе право убить меня».

Внизу тут же поднялся сдержанный гул. Сяо Гуансу спросил:

— И на этом всё? Они оба погибли?

Тысячник махнул рукой:

— Ещё не конец. Позже, говорят, племя принцессы одержало победу. Принцесса не использовала тот меч, чтобы убить принца, но он всё равно пал в той войне. И тогда принцесса в конце концов совершила самоубийство рядом с ним.

Сяо Гуансу с недоумением ахнул:

— Но это же трагедия! Разве такое может быть залогом любви? Не считают ли это дурной приметой?

Тысячник покачал головой:

— Конечно, нет! Мы, лянъянцы, дарим именно клинки. Всякая мелочёвка — не по-нашему, недостаточно величественно.

Внизу раздались вздохи:

— Величественно-то величественно, да уж больно трагично.

Сяо Цинму, услышав о дарении клинка, почувствовал раздражение. В душе поднялась какая-то тягостная злоба, и он, не дослушав историю, с крайним неудовольствием покинул пиршество заранее.

Вернувшись в свои покои, Сяо Цинму сжал в руке тот самый клинок, так и подмывало швырнуть его в окно. Ему казалось, что он совершенно не способен угадать мысли того человека. Он здесь предаётся романтическим грёзам, а у того в голове лишь схватка не на жизнь, а на смерть.

Тягостное, удушающее чувство вновь подкатило к горлу Сяо Цинму. «Мне не нужна твоя жизнь, — подумал он. — Ишь, какой самолюбивый».

На празднике Середины Осени во дворце устроили пир. Здоровье императора Чжэньюаня в последние дни значительно улучшилось, и он, что редкость, задержался на торжестве подольше. В зале Ваньшоу не смолкали песни и танцы, лилась музыка. В разгар дворцового пира в ворота дворца, подняв по пути облако пыли, ворвался гонец. Евнух, передававший донесения, поспешно вбежал в зал и пал ниц:

— Ваше величество! Срочное донесение с северо-запада!

Сердце императора Чжэньюаня ёкнуло.

— Немедленно вести! — распорядился он.

В тот же миг музыка смолкла, и в зале воцарилась гробовая тишина.

Гонец быстрым шагом вошёл в зал, преподнёс боевое донесение, запечатанное красным сургучом, и, опустившись на колени, громко доложил:

— Тунцянцы вступили в сговор с наманьцами, проникли на северо-западную границу Лянгуня и намереваются взорвать проход в отдалённом перевале Цзиньцишань. Сейчас стороны находятся в тупиковом противостоянии. Генерал Жао уже лично выдвинулся туда и приказал мне доложить вашему величеству, дабы вы могли заранее принять решение.

Император Чжэньюань пробежал глазами письмо и спросил:

— Цзиньцишань — место бедное, достаточно ли там провианта и фуража?

Гонец ответил:

— В ответ вашему величеству, гарнизоны со многих мест Лянгуня уже прибыли на подмогу. С провиантом, фуражом и военным снаряжением пока проблем нет.

Император Чжэньюань, поняв из письма, что решение о начале войны требует его высочайшего указа, приказал отвести гонца на отдых, тут же свернул пир и немедленно созвал дворцовое совещание для обсуждения. Ведь начинать войну — не то решение, что можно принять сгоряча.

Огни в зале Шиань горели всю ночь. Двуличное поведение наманьцев, просивших мира, а затем нанёсших удар в спину, возмутило большую часть сановников. Император Чжэньюань подписал указ о начале войны и приказал строжайше проверить порт Ванюэ в Янцзине, частично закрыв его. На следующее утро гонец уже ждал у дворцовых ворот, получил императорский указ и немедленно отправился обратно на северо-западную границу.

В последующие три месяца во дворец постоянно поступали донесения о больших и малых победах. К концу десятого месяца весь Лянгунь перешёл в состояние боевой готовности, янцзинское побережье также было полностью приведено в состояние повышенной бдительности. Были ограничены все торговые суда, имевшие дела с Тунцзяном, а также подвергнуты тщательной проверке все торговые караваны, недавно прибывшие в Лянгунь через порт Ванюэ.

В начале восьмого месяца тунцянцы, переодетые охотниками, заложили несколько цзиней взрывчатки у заставы лянгуньского гарнизона. Фитили, которые Лу Цяньтан со своими людьми сначала выкопал и заменил, были обнаружены разведчиками тунцянцев. Вероятно, из-за удалённого расположения Цзиньцишань и относительной слабости тамошнего гарнизона, те, потерпев неудачу с первой попыткой, решили попросту взорвать на воздух весь лагерь.

Лу Цяньтан заранее окружил дворы нескольких подозрительных домохозяйств. В стогу сена у той старухи перерыли всё до самого дна и обнаружили немало мужских доспехов и клинков. Но сама старуха наотрез отказывалась что-либо говорить, а применять пытки к старикам и детям было немыслимо. Поэтому повсюду расставили скрытые дозоры для круглосуточного наблюдения.

Как раз в это время Жао Сысин с отрядом личной охраны прибыл к Цзиньцишань. Увидев знамя с иероглифом «Жао», трепещущее в северо-западном ветру среди жёлто-серого песка, недруги в панике отступили на несколько десятков ли.

Это был первый раз, когда Лу Цяньтан вблизи увидел этого легендарного молодого военачальника. Ржание коня, команды, боевые знамёна и серебряные доспехи сливались с

песчаной бурей северо-запада, словно образуя несокрушимый барьер.

Жао Сысин прибыл внезапно. Сам он привёл лишь несколько десятков человек в самую глухую окраину, а заместителя с остальными войсками отправил на соединение с лянгуньским гарнизоном. Поскольку Жао Сысин запретил огласку, никто не докладывал наверх, и к тому времени, как начальство само обо всём узнает, он уже должен будет уехать.

Жао Сысин осадил коня у границы лагеря на Цзиньцишань и не спеша окинул взглядом окрестности. Солдаты вокруг едва осмеливались дышать, не в силах разобрать его выражения. Наконец он спросил:

— Кто расставлял скрытые дозоры?

Лу Цяньтан шагнул вперёд и откликнулся. Жао Сысин слегка кивнул, оглядел его с ног до головы и сказал:

— Хорошо сработано. Ты со своими людьми пойдёшь со мной вперёд на разведку. Осмелишься?

Лу Цяньтан был несколько удивлён, но тут же кивнул:

— Осмелюсь!

Жао Сысин усмехнулся:

— Дай мне карту местности, завтра идём на разведку.

Лу Цяньтан проводил его в командную палатку. Личная охрана осталась ждать снаружи. Жао Сысин сам нашёл себе место, присел и, глядя, как тот разворачивает карту, вдруг произнёс:

— Я тебя знаю.

Рука Лу Цяньтана дрогнула, и изумление отразилось у него на лице.

Жао Сысин махнул рукой, указал ему сесть, и сказал:

— Не удивляйся так. У меня неплохие отношения с главнокомандующим Шанем, кое-что слышал. Ты и вправду не из робкого десятка.

Лу Цяньтан сжал губы, не понимая, к чему тот клонит, и молча пристроился сбоку.

Взгляд Жао Сысина скользнул по карте, заметил сделанные им пометки и сказал:

— Голова у тебя светлая, вот только в такой глухомани пробиться будет ох как нелегко.

Жао Сысин положил руку на колено, поднял на него глаза и сказал:

— Даю тебе шанс. В горных расщелинах Цзиньцишань засела стая крыс. Среди них есть крысиный вожак — великий жрец наманьцев, который там притворяется каким-то самозванным стратегом. На правой щеке у него длинный шрам. Возьмёшь его живым — повышу.

Лу Цяньтан пристально посмотрел на него:

— Почему вы помогаете мне, господин Жао?

Когда Жао Сысин не восседал на высоком коне, он казался гораздо мягче. Возможно, из-за лица, уж очень похожего на героя любовных романов, способного потратить тысячи золотых ради улыбки красавицы, а вовсе не на решительного военачальника.

Жао Сысин растянул губы в поверхностной улыбке:

— Считай, что тебе повезло. Если бы они на этот раз не полезли на Цзиньцишань, я бы сюда не приехал. И ещё... Постоянно спрашивать «почему» — не лучшая привычка.

[Примечание автора: Главу дописывал под давлением задания на конкурсе, обычно они не такие длинные. Снижайте ожидания, повышайте счастье. Люблю вас~ Спокойной ночи.]

<http://bllate.org/book/16145/1445943>